

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/3034-3364-2026-1-15>

УДК 32.019.5:316.77:004.738.5

Attribution

cc by

МЕХАНИЗМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО МЕЙНСТРИМА ЧЕРЕЗ ГОСУДАРСТВЕННУЮ КООПТАЦИЮ СЕТЕВЫХ ПРАКТИК

Брун М.Е.

Российский государственный социальный университет

Аннотация. В статье исследуются механизмы государственной кооптации сетевых практик для формирования политического мейнстрима в России. Выделяется четыре типа механизмов: институциональный (правовое регулирование цифровых платформ), дискурсивный (конструирование доминирующих нарративов через интердискурсивность), адаптационный (присвоение сетевых форматов и языковых кодов) и инфраструктурный (работа с инфлюенсерами). Методология исследования базируется на интеграции концепций символической власти П. Бурдьё, критического дискурс-анализа и теории интердискурсивности. Показано, что российская модель сочетает авторитарный контроль и управляемый плюрализм, создавая эффект видимой свободы при встраивании низовых практик в официальную повестку. Основные эффекты кооптации включают нормализацию государственной повестки, самоцензуру через конструирование зон сакрального и гомогенизацию сетевых сообществ. Исследование вносит вклад в понимание механизмов формирования управляемого политического консенсуса в цифровую эпоху.

Ключевые слова: политический мейнстрим, кооптация, сетевые практики, цифровая публичная сфера, символическая власть, политическая коммуникация, интердискурсивность, государственная кооптация, цифровые платформы, инфлюенсеры.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

MECHANISMS OF POLITICAL MAINSTREAM FORMATION THROUGH STATE CO-OPTATION OF NETWORK PRACTICES

Mikhail E. Brun

Russian State Social University

Abstract. The article examines mechanisms of state co-optation of network practices for shaping the political mainstream in Russia. Four types of mechanisms are identified: institutional (legal regulation of digital platforms), discursive (construction of dominant narratives through interdiscursivity), adaptive (appropriation of network formats and language codes), and infrastructural (working with influencers). The methodology integrates P. Bourdieu's concepts of symbolic power, critical discourse analysis, and interdiscursivity theory. The Russian model combines authoritarian control and managed pluralism, creating an effect of visible freedom while incorporating grassroots practices into the official agenda. Main effects of co-optation include normalization of the state agenda, self-censorship through construction of sacred zones, and homogenization of network communities. The study contributes to understanding mechanisms of managed political consensus formation in the digital age.

Keywords: political mainstream, co-optation, network practices, digital public sphere, symbolic power, political communication, interdiscursivity, state co-optation, digital platforms, influencers.

Funding: Independent work.

Введение.

Цифровая трансформация политической коммуникации создает феномен, выходящий за рамки традиционных моделей государственного контроля. Государство не подавляет альтернативные дискурсы напрямую, а встраивает и присваивает формы сетевого взаимодействия для формирования политического мейнстрима. Кооптация, в данном случае, понимается как процесс инкорпорации низовых коммуникативных практик в институциональную логику государственной политики без полной утраты их внешней спонтанности и горизонтальности.

Проблема определяется противоречием между декларируемой автономией сетевых сообществ и механизмами воспроизводства доминирующих смыслов.

Структурный анализ показывает сложную систему взаимодействия государственных институтов, традиционных медиа и социальных сетей, формирующую управляемый политический консенсус [1; 2]. Российский контекст представляет особый интерес, поскольку демонстрирует специфическую модель взаимоотношений власти и цифрового пространства, отличную как от китайского тотального контроля, так и от западной либеральной модели.

Понятие «политический мейнстрим» требует концептуализации применительно к российским реалиям. Если в западных демократиях мейнстрим сложился как консенсус правополитического и левоцентристского крыла [3], то в российском случае он формируется через конструирование ценностного

ядра вокруг идей государственного суверенитета, стабильности и защиты от внешних угроз.

Степень разработанности проблемы демонстрирует фрагментарность исследовательского внимания к механизмам кооптации. Существует значительный массив работ о государственном контроле цифрового пространства, однако, механизмы более тонкого воздействия - встраивание сетевых практик в официальную повестку, адаптация низовых форматов, использование символического капитала инфлюенсеров - остаются недостаточно изученными. Именно эти механизмы, не предполагающие прямого принуждения, оказываются наиболее эффективными в условиях гибридной политической системы.

Западные концепции публичной сферы Ю. Хабермаса рассматривали медиапространство через призму рациональной коммуникации автономных граждан.

П. Бурдьё показал механизмы воспроизводства символической власти через контроль дискурсивных практик [4].

Развитие цифровых технологий актуализировало вопрос о трансформации этих механизмов в условиях горизонтальных сетевых коммуникаций.

Российские исследователи обращают внимание на специфические формы взаимодействия государства и цифровой среды, не укладывающиеся в дихотомию авторитарного контроля и либеральной свободы [5; 6].

Цель исследования - выявить механизмы государственной кооптации сетевых практик для формирования политического мейнстрима в российском контексте. Достижение цели предполагает решение следующих задач:

- концептуализировать понятие «политический мейнстрим» применительно к российской политической системе;
- выявить типологию механизмов кооптации сетевых практик;
- проанализировать роль интердискурсивности в воспроизводстве символической власти;
- рассмотреть специфику гибридной модели управления цифровым пространством.

Обсуждение. Результаты.

Мейнстрим и кооптация.

Концепция политического мейнстрима, разработанная применительно к западным демократиям, фиксирует феномен сращивания правых и левых идеологических подходов в единую технократическую управленческую парадигму [3, с. 9].

В.С. Мартыянов констатирует понятийный кризис западного мейнстрима, связанный с ослаблением убедительности либерально-демократических категорий для описания глобальной политической реальности [7, с. 112], что также следует признать одним из факторов, влияющих на российский политический мейнстрим.

Применительно к российскому контексту понятие «мейнстрим» требует переосмысления. От-

сутствие реальной партийной конкуренции, концентрация ресурсов у государственных структур и гибридность политического режима создают иную конфигурацию. Российский мейнстрим формируется не через консенсус конкурирующих политических сил, но посредством конструирования ценностного ядра, разделяемого различными сегментами элиты и значительной частью населения.

Универсальным ядром современных обществ остается система властесобственности, существование которой не зависит от поверхностной идеологической риторики [8, с. 23].

Российская модель характеризуется усилением регулятивных функций государства как ключевого механизма стратификации и распределения ресурсов [8, с. 24]. Формирование политического мейнстрима в этих условиях предполагает конструирование прагматического консенсуса вокруг вопросов доступа к политическим рентам.

Концепция кооптации в политической науке традиционно применялась для анализа механизмов инкорпорации оппозиционных групп в существующую систему власти. Кооптация понимается как процесс формирования формальных и неформальных связей, посредством которых действующие власти побуждают к консенсусу прочие политические силы в обмен на предоставление различного рода благ [9, с. 30; 10]. Применительно к цифровому пространству, кооптация приобретает специфические формы: присвоение практик, форматов и языковых кодов, изначально возникших в логике горизонтального сетевого взаимодействия.

Государственная кооптация сетевых практик отличается от прямого контроля несколькими характеристиками.

Во-первых, сохраняется внешняя форма спонтанности при встраивании содержания в официальную повестку.

Во-вторых, используются символические ресурсы, накопленные в сетевых сообществах, для легитимации государственной политики.

В-третьих, адаптируются жанровые особенности сетевой коммуникации - мемы, вирусные форматы, карнавализация - для производства проправластного контента, визуально неотличимого от низовых практик.

Теория символической власти П. Бурдьё предоставляет методологический инструментарий для анализа механизмов кооптации. Символическая власть реализуется не через прямое принуждение, но посредством навязывания легитимных категорий восприятия социальной реальности [4]. Кооптация сетевых практик выступает механизмом этого контроля, позволяющим государству легитимировать свою политику через символические формы, признаваемые аудиторией как органичные.

Концепция интердискурсивности фиксирует взаимопроникновение различных дискурсивных практик [6, с. 760]. Сетевая политическая коммуникация встроена в глобальный дискурс, формируемый

традиционными СМИ. Государственная кооптация использует эту интердискурсивную связь, транслируя официальную повестку через сетевые каналы в форматах, адаптированных к специфике цифровой коммуникации.

Структурные механизмы кооптации.

На основе анализа эмпирических данных [5; 6; 11] можно выделить четыре взаимосвязанных механизма государственной кооптации сетевых практик, действующих на различных уровнях политической системы и цифровой инфраструктуры.

Институциональный механизм.

Институциональный механизм реализуется через систему формальных и неформальных правил, определяющих параметры функционирования цифровых платформ.

Российская модель регулирования характеризуется сочетанием правовых норм, административного давления и экономических стимулов, создающих условия для адаптации платформ к государственному интересам без тотального подавления автономии [12, с. 62].

Законодательное регулирование интернет-пространства в России эволюционировало от точечных ограничений к системному контролю [13, с. 196]. Требования к хранению персональных данных, обязательства по блокировке запрещенного контента создают правовую рамку, ограничивающую пространство маневра для платформ [14, с. 1].

Следует отметить, что перечисленные меры в значительной степени продиктованы в том числе и внешнеполитическими факторами. Вместе с тем, эта рамка не предполагает полного запрета на функционирование сетевых сообществ, но задаёт параметры, в которых их деятельность признаётся легитимной [13, с. 195].

Феномен «дилеммы модератора» приобретает в российском контексте особое значение [5, с.247]. Модератор, обладающий правом исключения нарушителей из коммуникации, является частным лицом, но выступает регулятором публичной сферы. Государство использует эту неопределенность, делегируя функции контроля частным платформам при сохранении права определять критерии допустимого контента.

История блокировки Telegram в 2018 г. и последующая легализация мессенджера [5, с.247] иллюстрирует переход от конфронтации к компромиссу. Платформа сохранила функциональность и относительную автономию, но адаптировалась к требованиям регулятора.

Блокировка зарубежных социальных сетей в 2022 г. радикально трансформировала конфигурацию российского сегмента цифрового пространства, создав условия для усиления государственного влияния.

Дискурсивный механизм.

Ключевым механизмом кооптации выступает конструирование глобального дискурса - системы политических смыслов, определяющей рамки

интерпретации текущих событий [6]. Этот дискурс формируется преимущественно традиционными СМИ, контролируемые государственными структурами, и затем транслируется в цифровое пространство через механизмы интердискурсивности.

Организация информационного потока предполагает разделение на концептуальную и конъюнктурную информацию [6, с.755]. Концептуальная информация транслирует обобщающие модели политических отношений и событий, обладая рекурсивным характером. Конъюнктурная информация реагирует на конкретные политические события, но её интерпретация осуществляется в рамках, заданных концептуальной информацией.

Кооптация реализуется через контроль концептуального уровня при относительной свободе на уровне конъюнктурной информации. Государство не стремится к тотальному контролю каждого высказывания, но задает базовые рамки восприятия политической реальности через доминирующие нарративы - суверенитет, противостояние внешним угрозам, традиционные ценности.

Ценностно-политические триггеры выступают механизмом активации базовых идеологических установок [11, с.18]. Триггер понимается как объект, вызывающий ассоциативную цепочку и порождающий определенную эмоциональную реакцию. Сакрализация определенных политических событий и символов - победа в Великой Отечественной войне, присоединение Крыма, противостояние Западу - создает зоны, исключенные из критического осмысления.

Адаптация сетевых форматов.

Специфический механизм кооптации связан с адаптацией и присвоением жанровых форм, изначально возникших в логике горизонтальной сетевой коммуникации. Государственные и аффилированные структуры осваивают язык интернет-мемов, вирусных видео, карнавализации политического дискурса [15, с.98-99], используя эти форматы для производства проправластного контента.

Мемы, изначально функционировавшие как инструмент критики власти, встраиваются в официальную повестку. Государственные медиаструктуры и аффилированные паблики используют мемную эстетику для продвижения проправластных нарративов. Визуальные коды, распознаваемые аудиторией как часть молодежной сетевой культуры, служат упаковкой для официальных месседжей. Это создает эффект органичности, когда проправластный контент визуально неотличим от низовых сетевых практик.

Карнавализация политического дискурса представляет собой амбивалентный процесс.

С одной стороны, как показывает А.А. Суворова, интернет-мемы функционируют как низовой инструмент критики власти [15, с. 98].

С другой стороны, элиты, испытывающие дефицит традиционных ресурсов легитимации, адаптируют карнавальные формы для собственных целей [16, с. 31].

Изначальная функция карнавала как временного освобождения от иерархических структур трансформируется: политические акторы санкционируют контролируемые формы смеха, направляя их на периферийные фигуры власти при одновременном табуировании критики центральных институтов.

Анонимность как сущностная характеристика цифрового пространства используется для создания видимости низовой поддержки. Фейковые страницы, боты, тролли генерируют контент, имитирующий спонтанную гражданскую активность. Многократное дублирование месседжей создает эффект социального доказательства [6, с.757]. Кооптация анонимности превращает её из инструмента защиты свободного высказывания в механизм манипуляции общественным мнением.

Инфраструктурный механизм.

Кооптация осуществляется через инкорпорацию лидеров мнений - инфлюенсеров, обладающих высоким социальным статусом и способностью влиять на восприятие информации широкими аудиториями.

Государственные структуры не создают инфлюенсеров напрямую, но формируют условия, в которых лояльные инфлюенсеры получают преимущества в доступе к ресурсам, информации, публичной видимости, а инфраструктура грантов и конкурсов создаёт стимулы для сотрудничества [17].

Механизм работы с инфлюенсерами предполагает несколько уровней взаимодействия:

- прямые контракты на производство контента;
- предоставление эксклюзивного доступа к информации;
- организация брифингов и встреч с представителями власти;
- создание площадок для публичной реализации.

Инфлюенсеры, получившие доступ к этим ресурсам, заинтересованы в поддержании отношений с государственными структурами, что создает условия для самоцензуры и добровольного воспроизводства официальных нарративов [17].

Особую роль играют инфлюенсеры, сочетающие критику отдельных аспектов государственной политики с поддержкой базовых ценностных установок мейнстрима. Этот тип позиционирования создает впечатление плюрализма и свободы дискуссии при сохранении границ допустимой критики, что согласуется с исследованием о политической субъектности блогеров и их влиянии на формирование сетевых ценностей [18].

Специфика российской модели.

Российская модель государственной кооптации сетевых практик обладает специфическими характеристиками, отличающими её как от китайской модели тотального контроля, так и от западной либеральной модели минимального регулирования.

Гибридность как ключевая характеристика проявляется в сочетании элементов контроля и адаптации. Государство не стремится к полной элиминации автономных сетевых практик, но создает условия для их инкорпорации в доминирующий дискурс. Формально сохраняются пространства относительной свободы высказывания, но их границы четко маркированы через систему санкций. Эта гибридность создает эффект управляемого плюрализма, когда множественность голосов не угрожает базовым параметрам политического порядка.

События Специальной военной операции радикально трансформировали конфигурацию цифровой публичной сферы [5, с.257]. Поляризация политических позиций, ужесточение регулирования, блокировка зарубежных платформ изменили условия производства и циркуляции нарративов.

Патриотический дискурс стал доминирующим в русскоязычном сегменте социальных сетей. Дискурс СВО является фундаментальным фактором формирования патриотического консенсуса [5, с.258]. Государственная кооптация использует эту концентрацию внимания, встраивая различные сетевые практики в единую повестку, структурированную вокруг темы СВО.

Кросс-платформенный анализ демонстрирует, что фактор паблика оказывает более заметное влияние, чем специфика платформы [5, с.248]. Это означает, что государственная кооптация осуществляется через работу с производителями контента, а не только через регулирование платформ.

Медийные структуры выступают посредниками между официальной повесткой и сетевыми аудиториями, адаптируя государственные нарративы к специфике различных платформ.

Российская модель кооптации характеризуется высокой адаптивностью к изменяющимся условиям. Эволюция от относительно либеральной модели регулирования интернета в 2000-х годах к системному контролю в 2010-х гг. [19], и далее - к резкому ужесточению в 2022 г. демонстрирует способность государственных структур модифицировать механизмы кооптации в зависимости от политического контекста.

Вместе с тем, базовый принцип сохраняется: не полное подавление автономных практик, но их инкорпорация в доминирующий дискурс через комбинацию институциональных ограничений, дискурсивного конструирования и адаптации форматов.

Воспроизводство мейнстрима как эффект кооптации.

Анализ позволяет выделить несколько взаимосвязанных эффектов государственной кооптации сетевых практик, структурирующих российскую цифровую публичную сферу и обеспечивающих воспроизводство политического мейнстрима.

Эффект видимого плюрализма создается через сохранение множественности голосов при ограничении пространства альтернативных нарративов.

Пользователи социальных сетей сталкиваются с разнообразием мнений по второстепенным вопросам, однако базовые ценностные основания мейнстрима остаются относительно не критикуемыми. Этот управляемый плюрализм создает иллюзию свободы дискуссии, легитимируя политическую систему.

Эффект нормализации достигается через встраивание официальных нарративов в привычные сетевые форматы. Когда государственная политика обсуждается языком мемов, в карнавализированной форме, она перестает восприниматься как навязанная сверху. Адаптация форматов создает впечатление органичности, когда официальная повестка выглядит результатом низовой инициативы.

Эффект самоцензуры производится через создание зон сакрального, исключенных из критического осмысления [11, с. 19]. Сакрализация определенных тем и символов формирует когнитивные рамки, в которых критика воспринимается не как выражение альтернативной позиции, но как святотатство. Пользователи интериорируют эти ограничения, осуществляя самоцензуру без внешнего принуждения.

Эффект гомогенизации сообществ связан с механизмом эхокамеры, усиленным практиками селективной модерации [5, с. 256]. Пользователи группируются в сообщества единомышленников, где доминирующие позиции постоянно подтверждаются. Государственная кооптация эксплуатирует эту тенденцию, поддерживая провластные сообщества через предоставление доступа к ресурсам.

Эффект мобилизационной готовности создается через культивирование чувства угрозы и необходимости консолидации. Нарративы внешней угрозы, враждебного окружения структурируют восприятие международных отношений как экзистенциального противостояния. Кооптация сетевых практик обеспечивает трансляцию этих нарративов через множественные каналы.

Ограничения кооптации.

Механизмы государственной кооптации обладают внутренними ограничениями, создающими пространство для альтернативных практик и потенциальной дестабилизации доминирующего дискурса. Противоречие между формой и содержанием проявляется в присвоении сетевых форматов для трансляции официальных нарративов. Мемы, карнавализация, вирусные форматы изначально возникли как инструменты субверсии. Их встраивание в официальную повестку порождает дискурсивную амбивалентность: форма сохраняет потенциал критичности, тогда как содержание воспроизводит государственную позицию.

Технологическая динамика цифровых платформ опережает способность государственных структур адаптировать механизмы кооптации. Появление новых платформ, мессенджеров, форматов коммуникации создает временные пространства относительной автономии, что, впрочем, может изме-

ниться за счет ужесточения государственного контроля за цифровой средой на техническом уровне, например, использования «белых списков». Генерационный разрыв между создателями механизмов кооптации и целевыми аудиториями снижает эффективность воздействия. Экономические издержки поддержания системы кооптации возрастают. Международная изоляция ограничивает влияние российского политического мейнстрима на глобальную аудиторию.

Заключение.

Кооптация представляет собой комплексный процесс инкорпорации низовых коммуникативных практик в институциональную логику государственной политики без полной утраты их внешней спонтанности. Этот процесс отличается от прямого контроля тем, что сохраняет видимость горизонтальности и автономии сетевых сообществ при встраивании их дискурсивных практик в доминирующую повестку. Российская модель демонстрирует высокую эффективность гибридных механизмов, сочетающих институциональные ограничения, дискурсивное конструирование и адаптацию форматов.

Типология структурных механизмов кооптации включает институциональный, дискурсивный, адаптационный и инфраструктурный уровни. Институциональный уровень задает правовые рамки функционирования цифровых платформ.

Дискурсивный уровень обеспечивает конструирование глобального дискурса через механизмы интердискурсивности. Адаптация форматов позволяет государству присваивать символические ресурсы сетевых практик. Инфраструктурный уровень использует инфлюенсеров как посредников между государственной повесткой и сетевыми аудиториями.

Российская специфика определяется гибридной политический системы, сочетающей элементы авторитарного контроля и управляемого плюрализма. События специальной военной операции радикально трансформировали конфигурацию цифровой публичной сферы, усилив патриотический консенсус и маргинализировав альтернативные нарративы.

Эффекты кооптации включают видимый плюрализм при ограничении альтернативных нарративов, нормализацию государственной повестки через адаптацию форматов, самоцензуру через конструирование зон сакрального, гомогенизацию сообществ и мобилизационную готовность. Эти эффекты обеспечивают воспроизводство политического мейнстрима, легитимируя существующий политический порядок через символические формы, признаваемые аудиторией как органичные.

Ограничения кооптации связаны с противоречием между формой и содержанием присваиваемых практик, технологической динамикой, опережающей государственный контроль, генерационным разрывом, экономическими издержками и международной изоляцией.

Теоретическая значимость исследования связана с развитием концептуального аппарата для анализа гибридных форм государственного влияния на цифровую публичную сферу. Интеграция подхо-

дов теории символической власти, критического дискурс-анализа и концепции интердискурсивности позволяет схватить многомерность процессов формирования политического мейнстрима в условиях цифровой трансформации.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Список источников:

1. Никитина Т. А., Буртный К. П. Роль социальных медиа в политической коммуникации // *Постсоветский материк*. - 2024. - № 3 (43). - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-sotsialnyh-media-v-politicheskoy-kommunikatsii-1> (дата обращения: 09.01.2026). DOI: 10.48137/23116412_2024_3_49 EDN: CWALEG2.
2. Дзихия Д. Т., Бесчастная А. Влияние социальных сетей на политические отношения в России. - 2020. - URL: <https://ssrn.com/abstract=3725111> (дата обращения: 09.01.2026). DOI: 10.2139/ssrn.3725111 EDN: XDMVGQ
3. Сергеев В. М., Казанцев А. А., Петров К. Е. Политика "мейнстрима" и её альтернативы в современном западном мире: на пути от мирового экономического кризиса к "невозможной политике"? // *Полит. Политические исследования*. - 2017. - № 3. - С. 8-29. DOI: 10.17976/jpps/2017.03.02 EDN: YPDLUL
4. Бурдые П. Социология социального пространства. - Санкт-Петербург: Алетейя, 2013. - 288 с.
5. Мартыанов Д. С., Лукьянова Г. В. Кросс-сетевой фактор политического дискурса виртуальных сообществ // *Политэкс*. - 2023. - Т. 19, № 2. - С. 244-263. DOI: 10.21638/spbu23.2023.207 EDN: PWBKBN
6. Баринов Д. Н. Политический дискурс в социальных медиа: специфика производства и факторы эффективности // *Политика и общество*. - 2016. - № 6 (138). - С. 755-768. DOI: 10.7256/1812-8696.2016.6.19437 EDN: WDOHPN
7. Мартыанов В. С. В поисках другого мейнстрима // *Полит. Политические исследования*. - 2021. - № 4. - С. 112-131. DOI: 10.17976/jpps/2021.04.09 EDN: DHSTIF
8. Мартыанов В. С. Понятийный кризис западного мейнстрима // *Ойкумена. Регионоведческие исследования*. - 2020. - № 2. - С. 19-28. DOI: 10.24866/1998-6785/2020-2/19-31 EDN: ISKJIW
9. Горохов А. В. Факторы кооптации оппозиции в региональных парламентах России (на примере электоральных кампаний 2019-2023 гг.) // *Вестник Пермского университета. Политология*. - 2024. - Т. 18, № 4. - С. 30-39. - DOI: 10.17072/2218-1067-2024-4-30-39 EDN: AXYWQS
10. Stacher J. *Adaptable Autocrats: Regime Power in Egypt and Syria*. - Stanford: Stanford University Press, 2012.
11. Олешкова А. М., Батаков К. Р. Ценностно-политический триггер в российской медиасфере (на примере выборов в Государственную думу 2021 г.) // *Общество: политика, экономика, право*. - 2022. - № 2. - С. 17-22. DOI: 10.24158/per.2022.2.2 EDN: MWPSMH
12. Болгов Р. В., Еременков А. А. Модели государственного регулирования прав человека в цифровом пространстве // *Россия в глобальном мире*. - 2024. - Т. 27, вып. 3. - С. 62-85. - DOI: 10.48612/rg/RGW.27.3.4 EDN: JXWMUN
13. Степанов И. А., Иванова Е. С. Правовое регулирование интернет-пространства в России // *Научный журнал*. - 2023. - № 5. - С. 195-196.
14. Миннегалиева Л. И. Правовое регулирование цифровых прав: опыт России и зарубежных стран // *Международный научно-исследовательский журнал*. - 2023. - № 12 (138). - URL: <https://research-journal.org/archive/12-138-2023-december/> (дата обращения: 14.01.2026). DOI: 10.23670/IRJ.2023.138.83 EDN: OBKJOZ
15. Суворова А. А. Интернет-мемы как новые политические тексты: история и лингвистические особенности // *Политическая лингвистика*. - 2025. - № 4 (112). - С. 97-105. EDN: WUGQUS
16. Карабуценко П. Л. Карнавальная политическая культура: системный анализ основных категорий // *Вопросы элитологии*. - 2020. - № 2. - С. 31-62. - DOI: 10.46539/elit.v1i2.16 EDN: ARXFYS
17. Капранов О. Исследование: До 80% блогеров РФ готовы сотрудничать с государственными структурами // *Российская газета*. - 2025. - 24 июня. - URL: <https://rg.ru/2025/06/24/smena-orientira.html> (дата обращения: 03.01.2026).
18. Чузунова А. А. Политическая субъектность туристических блогеров и онлайн-сообществ // *Via in tempore. История. Политология*. - 2021. - № 3. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskaya-subektnost-turisticheskikh-bloggerov-i-onlayn-soobschestv> (дата обращения: 15.01.2026). DOI: 10.52575/2687-0967-2021-48-3-724-736 EDN: AEQQVM
19. Тигранян Е. А., Базанова А. Е. Правовое регулирование сети Интернет в России как отражение проводимой лидером государства политики // *Вестник РУДН*. - 2016. - № 4. - С. 122-131. EDN: XDCCLN

References:

1. Nikitina T. A., Burtny K. P. *The role of social media in political communication* // *Post-Soviet continent*. - 2024. - № 3 (43). - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-sotsialnyh-media-v-politicheskoy-kommunikatsii-1> (date of request: 09.01.2026). DOI: 10.48137/23116412_2024_3_49 EDN: CWALEG
2. Dzhihiya D. T., Beschastnaya A. *The influence of social networks on political relations in Russia*. - 2020. - URL: <https://ssrn.com/abstract=3725111> (date of request: 09.01.2026). DOI: 10.2139/ssrn.3725111 EDN: XDMVGQ
3. Sergeev V. M., Kazantsev A. A., Petrov K. E. "Mainstream" politics and its alternatives in the modern Western world: on the way from the global economic crisis to "impossible politics"? // *Policy. Political research*. - 2017. - No. 3. - pp. 8-29. DOI: 10.17976/jpps/2017.03.02 EDN: YPDLUL
4. Bourdieu P. *The sociology of social space*. Saint Petersburg: Aleteya, 2013. 288 p

5. Martianov D. S., Lukyanova G. V. *The cross-network factor of the political discourse of virtual communities* // *Politex*. - 2023. - Vol. 19, No. 2. - pp. 244-263. DOI: 10.21638/spbu23.2023.207 EDN: PWBKBN
6. Barinov D. N. *Political discourse in social media: the specifics of production and efficiency factors* // *Politics and Society*. - 2016. - № 6 (138). - Pp. 755-768. DOI: 10.7256/1812-8696.2016.6.19437 EDN: WDOHPN
7. Martianov V. S. *In search of another mainstream* // *Polis. Political research*. - 2021. - No. 4. - pp. 112-131. DOI: 10.17976/jpps/2021.04.09 EDN: DHSTIF
8. Martianov V. S. *The conceptual crisis of the Western mainstream* // *Ecumene. Regional studies*. - 2020. - No. 2. - pp. 19-28. DOI: 10.24866/1998-6785/2020-2/19-31 EDN: ISKJIW
9. Gorokhov A.V. *Factors of co-optation of the opposition in the regional parliaments of Russia (on the example of the electoral campaigns of 2019-2023)* // *Bulletin of the Perm University. Political science*. - 2024. - Vol. 18, No. 4. - pp. 30-39. - DOI: 10.17072/2218-1067-2024-4-30-39 EDN: AXYWQS
10. Stacher J. *Adaptive Autocrats: Regime Power in Egypt and Syria*. - Stanford: Stanford University Press, 2012.
11. Oleshkova A.M., Batakov K. R. *The value-political trigger in the Russian media sphere (on the example of the elections to the State Duma in 2021)* // *Society: politics, economics, law*. - 2022. - No. 2. - pp. 17-22. DOI: 10.24158/pep.2022.2.2 EDN: MWPSMH
12. Bolgov R. V., Eremenkov A. A. *Models of state regulation of human rights in the digital space* // *Russia in the global world*. - 2024. - Vol. 27, issue 3. - pp. 62-85. - DOI: 10.48612/rg/RGW.27.3.4 EDN: JXWMUN
13. Stepanov I. A., Ivanova E. S. *Legal regulation of the Internet space in Russia* // *Scientific Journal*. - 2023. - No. 5. - pp. 195-196.
14. Minnegaliev L. I. *Legal regulation of digital rights: the experience of Russia and foreign countries* // *International Scientific Research Journal*. - 2023. - № 12 (138). - - URL: <https://research-journal.org/archive/12-138-2023-december/> (date of access: 14.01.2026). DOI: 10.23670/IRJ.2023.138.83 EDN: OBKJOZ
15. Suvorova A. A. *Internet memes as new political texts: history and linguistic features* // *Political Linguistics*. - 2025. - № 4 (112). - Pp. 97-105. EDN: WUGQUS
16. Karabushchenko P. L. *Carnival political culture: a systematic analysis of the main categories* // *Questions of elitism*. - 2020. - No. 2. - pp. 31-62. - DOI: 10.46539/elit.v1i2.16 EDN: ARXIV
17. Kapranov O. *Research: Up to 80% of Russian bloggers are ready to cooperate with government agencies* // *Rossiyskaya gazeta*. - 2025. - June 24. - URL: <https://rg.ru/2025/06/24/smena-orientira.html> (date of request: 03.01.2026).
18. Chugunova A. A. *The political subjectivity of travel bloggers and online communities* // *Via in tempore. History. Political science*. - 2021. - No. 3. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskaya-subektnost-turisticheskikh-bloggerov-i-onlayn-soobschestv> (date of request: 15.01.2026). DOI: 10.52575/2687-0967-2021-48-3-724-736 EDN: AEQQVM
19. Tigranyan E. A., Bazanova A. E. *Legal regulation of the Internet in Russia as a reflection of the policy pursued by the leader of the state* // *Bulletin of the RUDN University*, 2016, No. 4, pp. 122-131. EDN: XCCLN

Информация об авторе:

Брун Михаил Евгеньевич, аспирант, Российский государственный социальный университет», факультет политических и социальных наук, Email: brun.mihail@yandex.ru, ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-3154-3198>

Mikhail E. Brun, Postgraduate Student, Russian State Social University, Faculty of Political and Social Sciences

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 18.02.2026;
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 16.03.2026;
Принята к публикации / Accepted for publication 20.03.2026.
Автором окончательный вариант рукописи одобрен.